

И.В. Мухаметзянова

ТРАДИЦИИ ГОГОЛЕВСКОЙ САТИРЫ В МАЛОЙ ПРОЗЕ П.И. МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКОГО

Выдающийся ученый-этнограф, исследователь русской старины, и талантливый писатель второй половины XIX века П.И. Мельников (А.Печерский), еще в студенческие годы серьезно увлекся творчеством Н.В. Гоголя, его беллетристика отмечена несомненным влиянием великого предшественника. Особенно ярко это влияние проявляется в двух небольших ранних рассказах писателя о Елпидифоре Перфильевиче. Исследователи творчества П.И. Мельникова-Печерского В.А. Володина и П.И. Лещенко справедливо отмечают их сходство с «Повестью о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н.В. Гоголя. Так, В.А. Володиной было замечено, что «Появившиеся главы о Елпидифоре носят следы влияния литературной традиции Гоголя... И в заглавиях отрывков, и в сюжете, и в стиле заметно сходство с Гоголем» [1, 200]. «...Он пытается уже в первом своем произведении овладеть теми приёмами, которые придавали остроту гоголевским повестям», – пишет П.И. Лещенко [3, 39]. К сожалению, указанным работам свойственна характерная для советского времени тенденциозность в оценках, что приводит к несколько искаженному видению творческих задач писателя.

Наша цель – в процессе детального сравнительного анализа гоголевской «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» и ранних рассказов о Елпидифоре Перфильевиче П.И. Мельникова, показать использование автором гоголевских сатирических приёмов, а также дальнейшее следование гоголевской традиции в рассказах, написанных позже: «Именинный пирог», «На станции», «Поярков», «Непременный», «Медвежий угол».

Рассказы «О том, кто такой был Елпидифор Перфильевич и какие приготовления делались в Чернограде к его именинам» и «О том, какие были последние приготовления у Елпидифора Перфильевича и как собрались к нему гости» посвящены одному «важнейшему» мероприятию городского масштаба: именинам местного исправника. По первоначальному замыслу автора эти рассказы представляли собой главы одной из частей («Звезда Троеславля») будущего романа «Торин», изображавшего провинциальную русскую жизнь. Но, разочарованный рецензией А.А. Краевского на «Звезду Троеславля», П.И. Мельников не стал перерабатывать и исправлять главы, оставив намерение продолжить роман. Рассказы были напечатаны в 1840 году в «Литературной газете» с небольшой авторской пометкой «начало повести, которая, может быть, будет окончена, а, может быть, и не будет». Продолжения историй об уездном исправнике так и не последовало, эти дебютные рассказы на долгое

время были забыты исследователями творчества писателя. Тем не менее, главы о Елпидифоре Перфильевиче, на наш взгляд, интересны тем, что позволяют проследить становление творческой манеры писателя.

В рассказах о Елпидифоре Перфильевиче использование гоголевских приемов становится очевидным уже в эпизоде знакомства с генеалогией главного героя. Оказывается, что Елпидифор Перфильевич, как и герой известной повести Гоголя Иван Иванович, очень уважаемые в обществе господа, вовсе не имеют благородного происхождения, которым так гордятся. Некая черногородская «секретная летопись» повествует, что Елпидифор Перфильевич «рождение получил в московском воспитательном доме», а всезнающая городничиха говорит, что «он прежде по питейной части служил» [7, 21]. Вспомним, что после ссоры гоголевских друзей Иван Никифорович в своей жалобе уличает Ивана Ивановича в неблагопристойности поведения родственников: «..его сестра была известная всему свету потаскуха и ушла за егерскую ротю... Отец и мать его тоже были пребеззаконные люди, и оба были невообразимые пьяницы» [2, 243]. Мотивная параллель разоблачения очевидна.

Прием «расхваливания» с последующим противопоставлением антигероя, к которым прибегает Н.В. Гоголь для характеристики главных персонажей, Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, мы находим и у А.Печерского: «Славный человек был этот Елпидифор Перфильевич! Ей-богу, ни в одном городе нет такого исправника! Толстый, высокий, говорит басом, богат, хлебосол, раз у губернатора обедал. Ну-ка, где вы найдете еще такого исправника? Что степановский-то что ли? Он все хвалится да кричит, как индейский петух: я, я, я! Куда ему с нашим тягаться? Рябой, длинный, поджарый, правителя губернаторской канцелярии хлебом надул. Нет, Елпидифор Перфильевич честно платится: сказано, чтобы правителю пятак с души в год, а он шесть копеек дает. За это его все и уважают» [7, 20]. Для сравнения представим ту самую гоголевскую характеристику, о которой упомянули выше: «Иван Иванович имеет необыкновенный дар говорить чрезвычайно приятно. Господи, как он говорит!.. Слушаешь, слушаешь – и голову повесишь. Приятно! чрезвычайно приятно! как сон после купанья. Иван Никифорович, напротив, больше молчит, но зато если влепит словцо, то держись только: отбреет лучше всякой бритвы. Иван Иванович худощав и высокого роста; Иван Никифорович немного ниже, но зато распространяется в толщину. Голова у Ивана Ивановича похожа на редьку хвостом вниз; голова Ивана Никифоровича на редьку хвостом вверх... » [2, 220]. Как видим, следование гоголевскому художественному приему в данной ситуации порождает даже некоторое текстуальное сходство между произведениями.

Прием неожиданного, внезапного снижения стиля придает ироническую окраску произведениям обоих писателей. У П.И. Мельникова: «Федор Дмитриевич распомадился так, что чудо-помада так и течет по лбу, аршина на полтора от него гвоздикой, так и не дохнешь. А жилет на нем был красный, а

брюки бланжевые, три цепочки, четыре перчатки и луковка вместо часов...» [8, 32]. Вся красота и изысканность костюма молодого художника Кисточкина мгновенно нивелируется наличием луковицы на месте карманных часов. Внешнему виду на приеме в честь именин Елпидифора Перфильевича придавалось огромное значение – даже костюмы его маленьких сыновей должны были соответствовать уровню этого события. Но доставшиеся мальчикам отцовские галстуки лишь придают им нелепый вид: «На обоих были превысокие галстуки, перешедшие к ним в наследство от их родителя. На Митроше красный, а на Савиньке зеленый, с желтыми цветочками, славный галстук – точно ячница с луком» [8, 31]. Несомненно, здесь сказывается влияние художественной традиции Н.В. Гоголя, который мастерски использовал прием снижения стиля для более выразительной характеристики своих персонажей. Для указания на мелочность и склочность характеров уважаемых в городе людей Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича писатель с точностью приводит тексты их жалоб друг на друга, в которых, в частности, встречаются и такие обвинения: «При таком противузаконном действии две передние сохи захватили собственную мою землю, доставшуюся мне еще при жизни от родителя моего, блаженной памяти Ивана, Онисиева сына, Перерепенка, начинавшуюся от амбара и прямою линиею до самого того места, где бабы моют горшки» [2, 239]; или «Оный же дворянин Перерепенко имеет посягательство на самую жизнь мою и до 7-го числа прошлого месяца, содержа втайне сие намерение, пришел ко мне и начал дружеским и хитрым образом выпрашивать у меня ружье, находившееся в моей комнате, и предлагал мне за него ... многие негодные вещи, как-то: свинью бурую и две мерки овса» [2, 243].

По-гоголевски неожиданные сравнения довольно часто встречаются в ранних рассказах П.И. Мельникова. Например, румянец щек судейской дочери не идет ни в какое сравнение с цветом крыши дома исправника: «Дом у Елпидифора Перфильевича большой, деревянный ... ставни зеленые, а крыша, ну что твой кумач, такая красная, что чудо. Если вы видели щеки у судейской дочери... Да нет, – это просто дрянь в сравнении с исправниковой крышей» [7, 23]. Из описания приготовлений дома к приходу гостей становится понятно, что не всегда в нем так чисто и опрятно, как в день именин: «...синие и желтые обои с изображением аркадских пастушков, Павла и Виргинии и прочего тому подобного, были подклеены и уже не висели, как расстегнутый ворот у волостного писаря» [7, 24]. Но самыми яркими и меткими характеристиками наделены герои рассказов: сам Елпидифор Перфильевич и его гости. Мы не найдем пространных описаний внешности, жизни и быта черногородцев, наоборот, П.И. Мельников обращает внимание читателя на небольшие, но полные скрытой иронии, временами – едкой сатиры детали, способные раскрыть характеры тех или иных персонажей. Так, появление некоторых вещей в доме исправника явно стало результатом множественных подарков или же безнаказанного грабежа: «...так славные часы эти были – Елпидифор

Перфильевич их на ярмарке достал. Купил ли он их, так ли где ему бог послал – дело закрытое» [8, 28]; приготовление угощений для праздничного стола из подношений многочисленных подчиненных и просителей считается обычным делом и преподносится тещей исправника даже с некоторой долей гордости и любования: «Уж истинно во всяком довольствии, и пирог из той муки, что с ильинской мельницы в среду привезли, и жаркое из гусей, что Митька которыми поклонялся, и холодное из ямских окороков...» [8,30]. Каждый из гостей Елпидифора Перфильевича по-своему примечателен. Перед читателем выстраивается целая галерея недоучек, считающихся образованнейшими людьми («Сидор Михайлович ... всегда слыл человеком ученым ... в гимназии учился... большой знаток в наливках» [8,33]), бесталанных художников и музыкантов, признававшихся гениями («...слыхал я в Троеславле барышень, как они играют на фортепьянах, да нет, куда им до Кисточкина! Бренчат себе, бог знает, что такое выходит, а Федор Дмитриевич – что хотите: трепака... а как заведет «Усы» с прищелкиваньицем, так просто до смерти запляшешься» [8,32]), переспелых барышень, престарелых ловеласов, неумных болтунов («Была в гостинной и судейша: то-то трещотка-то... Говорит-говорит, как ханжа балахонская, а сама не знает об чем» [8,35]), казнокрадов («...казначей... человек был с брюшком... ручки у него были коротенькие, но не так же коротки, чтобы не достать из казенного сундука копеечку на черный день» [8,33]) и кичащихся своим благородным происхождением обнищавших дворян. Все эти «славны люди», представляющие черногородский бомонд, с одной стороны, отчасти напоминают гоголевских персонажей, собравшихся на «ассамблее» у городничего и всем миром решивших помирить Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем. С другой – их мир это миниатюрное отражение общественных отношений, царящих в больших городах, описанных Н.В. Гоголем в более поздних повестях («Невский проспект», «Нос», «Шинель»).

В рассказах 50-х годов П.И. Мельников-Печерский продолжает следовать сатирическому направлению, намеченному в рассказах о Елпидифоре (причем рассказ «Именинный пирог» можно в некоторой степени даже назвать их сюжетным продолжением). Теперь вся сила его художественного таланта направлена против чиновнического бюрократизма, обмана и несправедливостей, особенно очевидных в небольших уездных городах. По долгу службы находясь в постоянных командировках и разъездах, П.И. Мельников имел возможность изнутри наблюдать жизнь российской глубинки и переносил увиденное на страницы своих произведений. Событиям рассказов «Поярков», «Медвежий угол», «Непременный», «Именинный пирог», «На станции» благодаря мастерски введенному образу рассказчика из народной среды и имеющего непосредственное отношение к этим событиям, сообщается дополнительная достоверность. На наш взгляд, подобная манера повествования навеяна образом Рудого Панька из циклов повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород».

Герой-рассказчик позволяет П.И. Мельникову не просто глубже проникнуть в суть описываемого, но занять позицию наблюдателя, слушателя и хроникера, лишь записывающего услышанное и не имеющего никакого влияния на событийную сторону повествования. Благодаря такому приему, производимый сатирический эффект усиливается, так как сатира вводится не искусственно, а является частью образной характеристики персонажа. Так, о бездушии и жадности бывшего титулярного советника Пояркова читатель узнает из его же слов: «... знаешь, что на свете есть Василий Сидоров. Явится он к тебе по делу, только и думы, как бы побольше сорвать с него. Не думаешь, будет ли Сидоров с семьей завтра ужинать, об одном помышляешь: губа-де у меня, у барина, к сладкому наважена, а мужицкое горло, что суконное бердо, проглотит и долото» [9, 75]. Доведенное иногда до абсурда чиновничество является неотъемлемой характеристикой «плешивенького, коренастого создания» Андрея Тихоныча Подобедова, едва не упавшего в обморок от внимания начальника к его персоне: «Сроду впервые начальство по имени по отчеству его назвало. У Андрея Тихоныча в глазах зарыбило: будто крестик в петличку подвесили... Его превосходительство трубку табаку изволит предлагать!.. Сам изволит предлагать!.. Дрожат руки у Андрея Тихоныча, от умиления и слезы в глазах и зелень туманом» [6, 183, 184]. Ограниченность и узость интересов мелких чиновников видна и в нежелании построения через их город железной дороги («Часты будут наезды из губернии... Из мундира не вылезай. Да и накладно») и в обсуждениях «новейших происшествий»: «... как в ушате с помоями затонула хохлатенькая курочка матушки протопопицы, как бабушка-повитуха Терентьевна, среди бела дня заглянув в нетопленную баню, увидала на полке кикимору...» [4, 196]. И наоборот – чиновники, жалевшие и понимавшие нужды простого народа, были очень редки и вообще даже не походили на начальство в привычном понимании: управляющий Иван Владимирович из городка Чубарова «На начальство-то не похож, вот каков человек!.. Одно слово: человек-душа. И всяку крестьянску нужду знает...» [5, 171] или же были столь же бедны, как и сами крестьяне: «Тихон Алексеич Подобедов жалел народ, оттого и помер нищим» [6, 181].

С годами сатирический подтекст в прозе писателя становится несколько мягче, однако он по-прежнему присутствует и в знаменитой романной дилогии писателя «В лесах» и «На горах». Дальнейшее же исследование этого аспекта художественного мира П.И. Мельникова-Печерского ставит на повестку дня ещё один вопрос – о возможности творческого использования опыта другого признанного мастера сатиры М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Литература

1. Володина В.А. Творческий путь П.И. Мельникова-Печерского: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук / В.А. Володина. – Душанбе, 1966. – 23 с.

2. Гоголь Н.В. Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем / Гоголь Н.В. Повести – М. : Худож. Лит., 1979. – С. 217–262 .
3. Лещенко П.И. Ранний период творчества П.И. Мельникова-Печерского (Истоки и взаимосвязи): дис. ... кандидата филол. наук / Лещенко Полина Ивановна. – К., 1972. – 268 с.
4. Мельников П.И. (Андрей Печерский). Именинный пирог. Мельников П.И. Бабушкины рассказы / Мельников П.И. – М. : Правда, 1989. – С. 195–209.
5. Мельников П.И. (Андрей Печерский). Медвежий угол. Мельников П.И. Бабушкины рассказы / Мельников П.И. – М. : Правда, 1989. – С. 165–180.
6. Мельников П.И. (Андрей Печерский). Непременный / Мельников П.И. Бабушкины рассказы / Мельников П.И. – М. : Правда, 1989. – С. 180–194 .
7. Мельников П.И. (Андрей Печерский). О том, кто такой был Елпидифор Перфильевич и какие приготовления делались в Чернограде к его именинам / Мельников П.И. Бабушкины рассказы / Мельников П.И. – М. : Правда, 1989. – С. 19–27 .
8. Мельников П.И. (Андрей Печерский). О том, какие были последние приготовления у Елпидифора Перфильевича и как собрались к нему гости именинам / Мельников П.И. Бабушкины рассказы / Мельников П.И. – М. : Правда, 1989. – С. 28–37 .
9. Мельников П.И. (Андрей Печерский). Поярков / Мельников П.И. Бабушкины рассказы / Мельников П.И. – М. : Правда, 1989. – С. 68–91 .

Аннотация

И.В. Мухаметзянова «Традиции гоголевской сатиры в малой прозе П.И. Мельникова-Печерского»

Статья посвящена сравнительному анализу повести Н.В. Гоголя и рассказов П.И. Мельникова-Печерского. Опираясь на опыт предыдущих исследователей творчества П.И. Мельникова, автор показывает наличие сходных сатирических приёмов, используемых писателями в процессе создания характеров персонажей. К таким приемам относятся антитеза, сравнение, снижение стиля, «расхваливание» героя. В конце статьи сделан вывод о некотором смягчении элементов сатиры в более позднем творчестве писателя. Дальнейшее изучение художественных особенностей сатиры П.И. Мельникова ставит перед исследователем задачу об определении возможной преемственности между творческим методом П.И. Мельникова и М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Ключевые слова: малая проза, сатира, ирония, художественный прием, рассказ, творческий метод.

Анотація

I.V. Mukhametzianova «Традиції гоголівської сатири в малій прозі П.І. Мельникова-Печерського»

Статтю присвячено порівнювальному аналізу повісті М.В. Гоголя й оповідань П.І. Мельникова-Печерського. Спираючись на досвід попередніх дослідників творчості П.І. Мельникова, автор показує наявність схожих сатиричних прийомів, використаних письменниками в процесі створення характерів персонажів. До таких прийомів відносимо антитезу, порівняння, зниження стилю, «розвалювання» героя. Наприкінці статті зроблено висновок про деяке пом'якшення елементів сатири в більш пізній творчості письменника. Подальше вивчення художніх особливостей сатири П.І. Мельникова ставить перед дослідником завдання про визначення можливого наслідування між творчим методом П.І. Мельникова й М.Є. Салтикова-Щедріна.

Ключові слова: мала проза, сатира, іронія, художній прийом, оповідання, творчий метод.

Summary

I.V. Mukhametzianova “Traditions of Gogol’s satire in P.I. Melnikov-Pecherski’s short prose”

The article is dedicated to the comparative analysis of N.V. Gogol’s tale and P.I. Melnikov-Pecherski’s short stories. Paying attention to the experience of the previous investigators of P.I. Melnikov-Pecherski’s works, the author shows the presence of similar satirical devices used by the writers in the process of characters’ creation. These devices are antithesis, comparison, anticlimax, the “showering praise” on the character. There is the conclusion made at the end of the article about some degree of allay of some satirical elements in the writer’s later literary works. The further investigation of the literary peculiarities of P.I. Melnikov-Pecherski’s satire sets the investigator the task to determine the probable succession between P.I. Melnikov-Pecherski’s and M.E. Saltykov-Schedrin’s literary methods.

Key-words: short prose, satire, irony, a device, a short story, a method.

Стаття прорецензована и рекомендована к печати к.филол.н., доц.
Т.М. Марченко.